

A close-up portrait of philosopher Alain Badiou. He is an older man with white hair, wearing glasses and a blue shirt. He is looking directly at the camera with a slight smile. His right hand is raised in the foreground, palm facing the camera, with fingers spread. The background is a plain, light color.

Ален
БАДЬЮ

ФИЛОСОФИЯ
И СОБЫТИЕ

Современная философская мысль

Ален Бадью

**Философия и событие.
Беседы с кратким введением
в философию Алена Бадью**

«Торговый дом ИОИ»

2010

Бадью А.

Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью / А. Бадью — «Торговый дом ИОИ», 2010 — (Современная философская мысль)

Политика, любовь, искусство и наука – четыре источника истин, о которых в своих диалогах рассуждают Ален Бадью и Фабьен Тарби, постепенно приближаясь к философии. Кто сегодня левые, а кто правые, что значат для нас Мао и Сталин? Почему в любви всегда есть мужское и женское? Что является художественным событием? Действительно ли наука грозит «забвением бытия»? Отвечая на эти и многие другие вопросы, Ален Бадью не просто делится своим мнением, а показывает, как работает его философия и куда она ведет. Впервые Ален Бадью не просто высказывается о том или ином событии, но представляет читателю возможность взглянуть на свою систему в целом. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 101

Содержание

Политика	6
Медиа и пропаганда	10
Событие	11
Событие и идея	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ален Бадью, Фабьен Тарби

Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью

Alain Badiou

La Philosophie et l'Événement, entretiens avec Fabien Tarby

Перевод с французского Дмитрий Кралечкин

© Alain Badiou, 2010

© ИОИ, 2013

* * *

Я вспоминаю о часах, проведенных в беседах, ставших исходным материалом для этой книгой. Ален Бадью легко согласился на предложение написать книгу диалогов о его работах и отнесся к ней с большим вниманием. Для нас беседы стали периодом подлинно интеллектуального и человеческого общения.

Очень быстро мы пришли к идее выделить пять тем – не было варианта лучше, чем пройти по четырем условиям – политике, любви, искусству и науке, чтобы в конце достигнуть самой философии.

Особенно удачной оказалась идея сделать политику темой первой беседы. Политика представляется первой ступенькой к трудам Бадью, поводом определить – в контексте, который значим для всех нас, – философские понятия, которые в абстрактном виде воспринимаются, несомненно, труднее. Беседы о любви представлялись достаточно логичным продолжением разговоров о политике; то же самое подтвердилось и в разговорах об искусстве, науках и философии. Иными словами, диалог сам становился наиболее удачным введением в мысль. В значительной мере это связано с дружеским и теплым отношением Алена Бадью к проекту создания этой книги.

В конце ее читатель сможет прочесть мое «Краткое введение в философию Алена Бадью». Оно является дополнением, приложением, еще одним поводом бросить взгляд на все его творчество в целом.

Таким образом, я призываю читателя, который пытается познакомиться с этой великой философией, погрузиться в чтение, не слишком опасаясь возможных затруднений. И по мере продвижения через эти беседы читатель обязательно пробьется к самому центру мысли Алена Бадью. И проведет его по этому пути сам философ.

В конечном счете, получилась ли у нас книга, соответствующая пожеланию издателя, Жана Телле, то есть «общее введение» в философию Алена Бадью? Судить об этом читателю. Во всяком случае, я на это надеюсь. Но я должен сказать о том, что получил благодаря этому эксперименту я сам – о новом взгляде на эту философию, о поразительных открытиях, о теплом, непосредственном контакте с трудами, которые я давно читаю и над которыми давно размышляю. Я выражаю Алену Бадью свою глубочайшую признательность.

Изабель Водо оказала серьезную и крайне необходимую помощь при составлении этой книги. Выражаю свою не меньшую признательность и ей.

Ф. Т.

Политика

Сегодняшнее политическое поле: противопоставление правых и левых, консенсус

– Ален Бадью, политика занимает важное место в Вашей жизни и в Ваших работах. Кроме того, она для Вас, если говорить Вашими словами, одно из *условий* философии. Поэтому попробуем подойти к Вашей философии со стороны политики. Прежде всего, не сложно ли стало сегодня заниматься политикой? Я также хотел бы, чтобы Вы ее определили. Что такое политика, в ее истинном виде?

– Нужно, конечно, учитывать систему ограничений, в которой сегодня находятся люди. Какое у них пространство для маневра? Какая у них свобода? Чтобы была настоящая политика, необходимо, чтобы рамки, в которых что-то происходит, были одновременно узнаваемыми и общими. Например, если данное общество – это общество классов с противоречивыми интересами, политика будет вписываться в эти рамки. Если установленный порядок покоится на коллективной организации, совершенно не совместимой с равенством, политика на глобальном и локальном уровнях будет обращена к этому вопросу. Политика всегда имеет дело с тем, что люди знают о природе противоречий и как они их сами испытывают. Я думаю, что в большой политической традиции, наследниками которой мы являемся, пусть даже наследниками неуверенными и сбитыми с толку, главный момент заключается в том, что есть враги. Есть не просто противники, но враги. Есть люди, чье мировоззрение мы считаем совершенно неприемлемым, как и то, что они делают с нами и ждут от нас.

Это прояснение понятия врага всегда остается горизонтом политики в ее большой традиции, в частности революционной. Революционной в достаточно смутном смысле, с которым согласуются разные события от Французской революции до восьмидесятых годов прошлого века. Сложность в том, что сегодня этот вопрос о враге совершенно запутан. И по двум причинам. Во-первых, в глобальном масштабе крушение Советского Союза положило конец той двусторонней организации, которая задавала совершенно ясные, объективные рамки: существовало два лагеря, две ориентации, две модели. Во-вторых, внутри самих государств классовые составляющие стирались ради той идеи, что наши общества – это общества беспрепятственного расширения среднего класса. Всем навязывается идея, что средний класс – это подлинный оплот демократической политики: огромный средний класс, отбрасывающий к своим границам, с одной стороны, незначительное ядро весьма богатых людей (к сожалению, их существование «неизбежно», но их все-таки мало...), а с другой – небольшое число крайне бедных и эксплуатируемых людей. Такова идея, с которой все якобы согласны: есть споры, есть дискуссии и расхождения, но нет врагов в собственном смысле этого слова.

– Можете ли Вы сказать, что главная проблема нашей эпохи – не столько отсутствие политического сознания, сколько трудности с вступлением в политическую борьбу, отказ от нее, своеобразная утрата активистского духа?

– Я бы сказал, что сегодня сложно именно выпутаться из консенсуса. Это по-настоящему трудно. Недостаточно захотеть выйти из него, решить, что вот сейчас выйдешь, все намного сложнее. Мы имеем дело с конститутивной данностью наших обществ. Они допускают теперь лишь внешних врагов – Аль-Каиду, исламский терроризм... Мы вернулись к той идее, что главное противоречие – между цивилизованными людьми и варварами. Но когда основное противоречие – между цивилизованными и варварами, как, например, в эпоху падения Рим-

ской империи, политики нет. Может быть война, может существовать полиция, но не политика. Мы должны избавиться от идеи, что главное противоречие – между варварами и цивилизованными. То есть мы должны уйти от консенсуса. Этот консенсус утверждает, что все так или иначе сходятся в утверждении, гласящем, что наше общество не изменится. В основных своих чертах сочетание капитализма в экономике и парламентской демократии в политике является верным и хорошим – вот что утверждает консенсус. Кризис особенно отчетливо выявил этот момент: все были согласны, что надо спасти самое главное и особенно спасти банки, которые, однако, напрямую отвечали за финансовый крах.

В этих условиях трудно участвовать в политической борьбе и быть активистом. Для этого необходимо минимальное сознание разрыва, то есть неконсенсуальное сознание; необходимо понимать, что нужно сделать что-то ускользающее от закона мира. Эта сложность с вступлением в политическую борьбу связана также с непониманием того, с какой позиции сегодня может вестись критика господствующего положения вещей, как начать такую критику и как она может быть организована. Прежние рамки сегодня не работают. Больше нельзя ссылаться на борьбу между империалистическим лагерем и социалистическим; точно так же нельзя более очевидным образом указать на противоречие между буржуазией и пролетариатом. И ни в коей мере нельзя доверять последнему теплящемуся противоречию – между правыми и левыми.

Где, в конечном счете, враг? Где друг? Эти вопросы чрезвычайно запутаны. Если ты песимист, можно прийти к выводу, что мы живем в эпоху безусловного исчезновения политики как таковой. Действительно, политики не получится из споров о государстве или экономике. Политика – это субъективная, мощная деятельность, способная производить новые истины. Но может ли она в этом смысле существовать в современных условиях? Это открытый вопрос. Во времена Людовика XIV политики почти не было, как и на закате Римской империи. То есть бывают исторические периоды, практически лишенные политики. То есть сложность, о которой Вы говорите, относится к существу вопросу, поскольку она связана с возможностью или реальным политикой сегодня.

– Можете ли Вы сказать, что быть левым – значит поддерживать отношение с истиной, тогда как быть правым – значит просто занимать место в структуре, то есть искать удовлетворения в том мире, который уже есть, утоления животных желаний тех или иных людей, то есть просто пытаться принять реальность?

– Если Вы так говорите, значит используете термин «левый» в каком-то особом смысле, который не является господствующим. Сегодня быть левым – значит занимать определенное место внутри господствующей политической системы, которую называют «демократией». Левые и правые – эти конститутивные данности всех больших демократий, которые обычно называют «западными». Ты являешься левым, когда, при прочих равных условий, предлагаешь распределять незначительную часть существующего дохода среди ущемленных социальных слоев. В современных левых я не вижу ничего другого. В этом смысле, левые – это просто внутренняя для консенсуса категория, в которой система крайне нуждается. Ведь ей нужно жить на фальшивом противоречии, на игре, которая указывает ложных врагов, причем указывает их на основе нюансов; эти нюансы оживляют псевдополитическую игру. Но я понимаю, что вы понимаете «левых» другом смысле.

– Да, «левые» не в структурном смысле, а в том, который можно было бы назвать «событийным». В структурном смысле левые заключены в систему консенсуса, о которой Вы говорите, они, в конечном счете, не ставят ее под вопрос – ни политически, ни даже экономически. Тогда как левые в событийном смысле никогда не отказываются от того, что произойдет насто-

ящий разрыв. Вот в чем цель. И это же Ваша мысль о политическом событии: что-то должно произойти, что изменит весь расклад, саму структуру.

– Я не знаю, можно ли будет в этом случае сохранить слово «левые». Если и сделать так, «левые» будут и в самом деле означать политику, горизонтом и процессом которой будет высвобождение истины коллектива, истины того, на что он действительно способен в плане создания, новизны, самих ценностей. Политика тогда – это совокупность процессов, которые позволяют человеческому коллективу стать активным, способным на новые возможности, связанные с его собственной судьбой. В этом случае я согласен с Вашими терминами. Левые – это процесс истины, а правые – это просто управление вещами, управление тем, что есть. Это, кстати, и есть причина, по которой, как мы можем заметить, почти во всех представительных демократиях у власти обычно правые: они соответствуют тому, что есть. Левые приходят к власти время от времени, когда обнаруживаются не совсем обычные проблемы, которые не могут решить правые.

То есть я определяю парламентских левых как переменную настройки системы как целого. Можно было бы показать, что они приходят к власти в периоды, когда общественное мнение нужно снова настроить на капитализм. Одна из задач президента Миттерана заключалась как раз в запуске финансовой либерализации, которая в значительной мере была проектом Пьера Береговуа. Эта либерализация была необходима, чтобы подогнать общественное мнение к переменным современного глобального капитализма. Такую настройку провели не правые, а левые. Правые продолжили движение. Блэр, в свою очередь, пошел по дороге, открытой Тэтчер – со всей ее брутальностью. Хорошее определение придумали мои английские друзья, сказавшие, что Блэр был «Тэтчер с человеческим лицом».

– У Вас заметно недоверие, возможно даже подозрительность по отношению к организациям, придерживающимся крайне левых позиций или называемых «радикальными левыми». В частности, я имею в виду ваше отношение к Новой Антикапиталистической Партии (НАП, Nouveau Parti Anticapitaliste). Но разве две этих стратегии, Ваша и их, не совместимы друг с другом? Нельзя ли бороться с системой изнутри и в то же время призывать к событию? Логика НАП не обязательно противоречит Вашей, тогда как Ваша, похоже, противоречит их.

– Сначала я хотел бы сказать, что не дело философа определять политическую стратегию. Мне всегда интересно соотносить философию с политической новизной, а не со старыми или повторяющимися формам политики, и НАП в этом плане являет собой особый пример. Моя проблема в том, что я не вижу никакого различия между тем, что делает НАП, и тем, что делала старая коммунистическая партия: мы видим строго упорядоченное, систематическое сочетание двух направлений. С одной стороны, это внутрипарламентская деятельность: они выходят на выборы, пытаются набрать максимальное число голосов, отказываются от компрометирующих союзов. С другой, это социальная борьба: они активно участвуют в разных видах социальной борьбы, пытаются, и не без успеха, создавать ячейки в профсоюзных бюрократических структурах. Компартия довела это до совершенства. На выборах это была огромная сила, в лучшие годы способная получить от 20 до 25 % электората. С другой стороны, она прибрала к рукам главный профсоюз, CGT («Общую конфедерацию труда»). Она сочетала значительное участие в рабочей и народной борьбе с завоеванием избирательных бастионов, в основном муниципальных, например «красных пригородов». НАП в этом плане не придумала ничего нового. В конечном счете, НАП – это классические ультралевые: одним глазом смотрят на государство и выборы, другим – на «гражданское общество» и социальную борьбу. Философ не судит о попытках такого рода в категориях активистов, не говорит «вы – правые уклонисты» или «вы предали революцию». Он лишь констатирует то, что речь идет о повторении, тогда

как то, что имеет силу политического условия философии, не может относиться к порядку повторения.

Медиа и пропаганда

– НАП, по Вашим словам, ошибается в ставке, поскольку считает, что может создать событие в рамках консенсусной демократии. Главная составляющая этой рамки – медийная система. Как Вы анализируете ее действие?

– Я считаю, что во все эпохи господствующий аппарат, государственная власть располагает необычайно сильными аппаратами пропаганды. Я часто привожу пример, который мне кажется весьма показательным. Да, сегодня люди по вечерам сидят перед телевизором... Но во Франции до XVIII века в каждой самой маленькой деревеньке была церковь со священником – большое здание, возвышающееся над жилищами обычных людей, колокольня, которая звонит и упорядочивает повседневную жизнь. Священник исповедует и поднимается на кафедру каждое воскресенье, чтобы сказать, что надо делать и думать. Это уникальный пропагандистский аппарат, восхваляющий короля перед собранием верующих, большая часть которых – неграмотны. Это единственная структурированная речь, которую они слышат. Сегодня все это забыто. Церкви пустуют. В деревнях они – не более чем полуразвалившиеся памятники. Но когда все это было живым, существовал невероятный по своему охвату и силе пропагандистский аппарат, который изнутри структурировал жизнь людей, организовывал передачу традиций. Сегодня у нас есть технический медийный аппарат, более дифференцированный. Можно ли считать, что его влияние больше и очевидней, чем у пропагандистского аппарата, на который я указал? Это вопрос. Современный пропагандистский аппарат охватывает все общество в целом. С одной стороны, это орган консенсуса, тем более что его поддерживают значительные финансовые силы. С другой, он, вероятно, более диверсифицирован, не так идеологичен, как архаичная пропаганда церкви или монархического государства. Конечно, он является организатором мнения, как и любая массовая пропаганда. Но в демократических, парламентских странах от мнения требуется лишь общее повиновение, а не повиновение в деталях: эта пропаганда, которая мне представляется несомненной, оставляет достаточно пространства на уровне индивидуального поведения. Тогда как свободное пространство, оставляемое прежними формами пропаганды, было весьма ограниченным.

Мне кажется, что истина медийной системы лежит в самом консенсусе: именно потому, что последний правит, медиа и есть то, что они есть. Я не думаю, что медиа конструируют консенсус. Наоборот, именно консенсус заставляет терпеть монотонную посредственность и скудость информации, предоставляемой медиа. Кроме того, на медиа кормятся, зарабатывают, вносят в них свой вклад, идут туда, чтобы играть свою роль. Нужно видеть, как людей приглашают в разные медиа, и как им это нравится. Они просто восхищены тем, что смогут сказать, что тоже в деле. Они готовы поддержать работу медийного балагана. В сущности, медиа относятся к мнению так же, как выборы к государству: это вербовка, основанная на согласии.

Событие

– Вот мы говорим о структурах нашего времени. Этим структурам Вы противопоставляете возможность события. Но, собственно, что такое политическое событие?

– Для меня событие – это то, что заставляет проявиться возможности, которая была невидимой или даже немислимой. Само по себе событие не является созданием той или иной реальности; оно – лишь создание возможности, оно открывает возможность. Оно указывает нам, что существует возможность, которая была не известна. В определенном смысле, событие – это только предложение. Оно предлагает нам что-то. Все будет зависеть от того, как будет подхвачена эта возможность, предложенная событием, как она будет проработана, встроена в мир, развернута в нем. Это я называю «процедурой истины». Событие создает возможность, но потом нужна работа – коллективная в случае политики, индивидуальная в случае художественного творчества, – чтобы эта возможность стала реальной, то есть вписалась шаг за шагом в мир. Речь здесь о последствиях в реальном мире, вызванных тем разрывом, которым является событие. Я говорю об истине, поскольку создается нечто, высказывающее не просто закон мира, но его истину.

Событие – это создание в мире возможности процедуры истины, но оно не является создателем самой этой процедуры. Примеры можно привести из всех областей, как политических, так и внешних политике. Самый простой пример – любовь. Обычно говорят, что вы «влюбляетесь». Вы встречаете кого-то. Выясняется, что между Вами и им, между ним и Вами открывается неожиданная и непредвиденная – в личном, эмпирическом существовании – возможность. Это не значит, что встреча сама по себе образует любовь. Нужно будет еще прожить что-то, нужны будут последствия. Встреча – это открытие в моей личной жизни возможности, которую невозможно было заранее просчитать. Политическое событие, например, штурм Тюильри в 1792 году или март 1871 года, когда у парижан попытались отобрать пушки, с чего и началась Парижская коммуна, – это такое же проявление возможности (Республики, рабочей власти), которую ранее невозможно было представить. Сегодня политическое событие, каков бы ни был его масштаб, – это локальное открытие политических возможностей.

– Но ведь всегда, естественно, есть господствующая структура, которая противостоит событию, тому неслыханному, что излучается им, то есть тому, что невозможное становится возможным...

– Да, это как раз и есть власть, государство, положение вещей; это то, что претендует на монополию возможностей. Это не просто то, что управляет реальным. Но и то, что указывает, что возможно, а что – нет. И в настоящий период это очень важно. Современная власть не требует от нас верить в то, что она делает все правильно, ведь всегда есть оппозиция, готовая сказать, что она все делает неверно. Власть требует, чтобы мы были убеждены в том, что это единственная возможность. Политическое событие – и есть то, что проявляет возможность, ускользающую от контроля возможностей господствующей силой. Внезапно люди, а иногда и массы людей, начинают думать, что есть другая возможность. Они группируются для ее обсуждения, формируют новые организации, иногда совершают при этом грубые ошибки, но это не самое важное. Они поддерживают жизнь этой возможности, открытой событием.

Я думаю, что так происходит на всех уровнях создания. В тот или иной момент что-то происходит, нарушая контроль возможностей и более общее определение государства. Любили подчеркивать ту идею, что государство – это реальное подавление, но еще важнее то, что оно распределяет представления о возможном и невозможном. Событие превратит то, что было

объявлено невозможным, в возможность. Возможное будет вырвано из невозможного. Отсюда и лозунг 68-го: «Требуйте невозможного!». Как все такие лозунги, в какой-то мере он был слишком общим и поверхностным, но в то же время он таил в себе глубину. «Требуйте невозможного» значит «Держитесь за новые возможности, не принуждайте нас возвращаться к тому, что было объявлено возможным или невозможным в установленном порядке». Если вернуться к Вашему вопросу об участии в политической борьбе, в наших обстоятельствах вступать в нее – значит как раз схватить это. Согласиться с тем, что схватишь это или, скорее, будешь захвачен этим. В данном случае активность и пассивность – это примерно одно и то же. Схватить или быть захваченным этой новой возможностью, этим невозможным, которое станет реальным.

– Некоторые говорят, что ждать от одного лишь события политической истины – это какой-то запоздалый романтизм...

– Такой взгляд на мою философию, который стремится без дальнейших оговорок отождествить истину и событие, – это просто недоразумение. В любой ситуации существуют процессы, верные предшествующему событию. Мы не имеем дела с безнадежным ожиданием некоего чудесного события. Скорее, речь о том, что надо сохранять до самого конца, до предела, то, что можно было извлечь из предшествующего события, и таким образом быть готовым по возможности к субъективному восприятию того, что неизбежно произойдет. Для меня истина – это работа, это процесс, возможность которого обусловлена событием. Событие поэтому – лишь творец возможностей. Возможности, открытые событием, присутствуют в ситуации на протяжении некоего периода времени. Они постепенно затухают, но пока они присутствуют.

Так, я и сегодня считаю себя наследником мая 68-го. Май 68-го остался далеко позади, он забыт, а его следы почти утеряны. Тем не менее, в той мере, в какой я что-то делаю или же в какой у меня есть какие-то принципы действий, они соответствуют тому, что произошло тогда – и в более общем смысле тому, что произошло в первой половине семидесятых годов до того, как контрреволюция окончательно победила.

– Но если событие не следует ждать как милости, как можно к нему подготовиться?

– «Быть готовым к событию» – значит быть в субъективном расположении, позволяющем признать новую возможность. Поскольку событие по своей сути является непредвидимым, поскольку оно не подчиняется закону господствующих возможностей, готовить событие – значит быть расположенным его принять. То есть быть убежденным в том, что положение вещей не предписывает наиболее важные возможности, те, что подводят к созданию новых истин. Быть готовым к событию – значит быть в таком состоянии духа, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями.

Как же в таком случае готовиться? Двумя способами. Во-первых, сохраняя верность предшествующему событию, верность урокам, данным миру этим событием. Вот почему господствующий порядок с таким ожесточением борется с этим. Он пытается показать, что предшествующие события не создали никакой новой возможности. Отсюда дискредитация, которой подвергаются все событийные эпизоды. В течение тридцати последних лет это основная часть пропаганды – говорить, что, на самом деле, ничего не произошло, или, еще лучше, что произошедшее, ни в коей мере не создавая новой возможности, привело к новым ужасам, к новому порядку и новому регрессу. То есть первый способ быть готовым – это, по возможности, не поддаваться на увещевания этого сектора пропаганды, искать то, что еще может поддерживать верность предшествующим событиям. Поэтому-то я и считаю, что политический субъект всегда находится меж двух событий. Он никогда не сталкивается с простым противопоставлением события и ситуации. Он находится в ситуации, проработанной событиями близкого

или далекого прошлого, он и сам является промежутком между предшествующим событием и грядущим.

Другой способ быть готовым, связанный с первым, – это критика установленного порядка. Если только предполагать, что установленный порядок является распорядителем возможностей, речь идет о том, как доказать, что эти возможности, с нашей точки зрения, являются недостаточными. Это критическая работа в классическом смысле: показать, что система возможностей, предложенная нам, является по целому ряду пунктов, в конечном счете, бесчеловечной. Бесчеловечной во вполне точном смысле: она не предлагает коллективу, живому человечеству возможностей, которые были бы на высоте того, к чему оно способно. Критика всегда будет демонстрацией того, что возможности в том виде, как они предлагаются установленным порядком, на самом деле не раскрывают человеческих способностей. Естественно, такая критика – не просто интеллектуальное занятие. Верность событиям прошлого часто проявляется в практических действиях, в организациях, поддерживаемых позициях, в активизме, который хранит память о делах. Эта критика экспериментально проявляет на уровне самого общества недостаточность предлагаемых им возможностей.

Событие и идея

– Какими могут быть, по Вашему мнению, новые возможности, которые можно было бы предложить в качестве подготовки к событию?

– Начнем немного издалека. Я называю «Идеей» то, чем нам предлагается горизонт новой возможности по определенному вопросу. Идея в политике – это не сама политическая практика, это не программа, не то, что можно будет осуществить какими-то конкретными средствами. Скорее, это возможность, во имя которой действуют, преобразуют что-то или вырабатывают программу. То есть она достаточно близка к «принципу» – в смысле «действовать во имя принципов», но термин «идея» точнее. Идея – это, по сути, убеждение в том, что возможность, отличная от того, что есть, способна прийти. Вполне можно сказать, что «событие» в том смысле, в каком мы сказали, что оно является созданием возможности, создает Идею. С определенным событием связана определенная Идея, поскольку событие – это создание возможности, а Идея – это общее имя этой новой возможности. Например, у Французской революции было три великих идеи, которые часто, к тому же, называют «идеалами Французской республики», а именно: свобода, равенство, братство. Идеей большевистской революции был коммунизм у власти – пролетарской партийное государство. Отправляясь от этой точки зрения, я сегодня говорю об Идее коммунизма в ином смысле: действие может оживляться убеждением в том, что возможен иной социальный, коллективный, политический мир, который ни в коей мере не будет основан на частной собственности и прибыли.

– Идеалы Французской революции, в целом, существенно отличаются от Идеи коммунизма. Как Идеи организуются друг с другом, как сообщаются между собой столь разные события, которые в то же время все являются политическими истинами?

– На этот вопрос я отвечаю тезисом об этапности. Я считаю, что Идея, направляющая восстания или политические новации, меняется. В классическую эпоху, то есть в период вызревания Французской революции, осевой категорией была категория свободы. Она нормирует равенство и собственность. Свобода – это хорошо, но при условии, что она сможет включить свободную собственность, то есть частную собственность. В свою очередь, собственность нормирует равенство. Равенство – замечательно, но при условии, что оно не будет ставить под вопрос права частной собственности, которые, в свою очередь, поставили бы под вопрос то, что понимается в качестве принципов свободы. Таким образом, постепенная настройка создаст «формальную свободу». То есть юридические рамки, которые уже не предполагают абсолютного подчинения, рабства, так что равенство будет отныне нормировано этим принципом свободы, не будет больше каст, формальных наследственных неравенств, скажем, различия между дворянами и простолюдинами. Настройка, символизируемая казнью короля, но также и тем фактом, что собственность будет сакрализована. Так мы приходим к первой системе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.